

На Новой Басманной улице события случаются не только у Фемиды. В московском Доме национальностей (Новая Басманная, 4) проходит выставка художника Бориса Радченко и его учеников.

На вешалке в гардеробе много детских курточек: если бы не привезли ребят из Московского художественно-музыкального лицея, посетителей было бы немного. Радченко не очень известный художник, завуч художественной школы № 1 города Грозного, приехал с сыном Павлом. Почти все ученики художника, чьи работы добрались до Москвы, погибли.

После художественного училища Радченко несколько лет проработал в Ленинграде и вернулся в родной Грозный. Работал с Чечено-Ингушским издательством, преподавал в школе. Увез семью в Кисловодск только в 1998 году — когда от его дома не осталось даже руин с нацарапанными буквами: «живут люди», «здесь люди».

«Здесь живут люди» — написано на обложке альбома, где на красном небе встает черное солнце. (У неглицевого альбома, изданного в 2002 году, сложносочиненная история. Грант в 50 тысяч дал Путин, очень помогли Минкульт и чеченская диаспора. А вот издательство обмануло, и Радченко пришлось собирать недостающие тысячи долларов самому.) «Ждут» — называется акварель Радченко-младшего, где волки застыли перед договором от взрыва домом.

Работы эти детские — по колориту и сюжетам для детей очень нехарактерны. Психологи утверждают: не должны дети так изображать войну — черное красное небо, могильные кресты, тщательно прорисованное оружие да еще подписи под портретами вроде «Контрактник» или «Дудаевский боевик».

«В живописи горцев всегда присутствует непроговоренный свет, даже у тех, кто гор никогда в жизни не видел». Радченко рассказывает, что было у них в училище такое развлечение:

ставили в классе напорморты, а потом клали рисунки на пол — русские и чеченские вперемежку, а приведенный с улицы прохожий угадывал, кто автор.

На торжественном вечере в Доме национальностей с пониманием говорили о возрождении чеченской культуры. Пели памятные песни. Собирались было позвать ансамбль национальной пляски, но вспомнили: «У горцев танцуют, когда наступает радость во всем регионе». Отремонтированный выставочный зал называли «храмом искус-

крови». Выступавший после него писатель выразил солидарность (упомянул, что у него есть рассказ «Я беру всю вину на себя»), а бард спел песню о Москве.

Было заметно, что держать перед микрофоном черный альбом с надписью «Чечня» удобно не всем. Директор Московской художественной школы говорил о своих творческих успехах, дарил свои брошюры, а на ответный подарок — все тот же злополучный черный альбом — всплеснул руками: «Что это?». Директор вообще был откровенен: «Даю ребятам задание по теме Отечественной войны, а

Город, которого нет

Его можно увидеть на Новой Басманной

ства»: здесь нет ни полумесяцев, ни крестов, ни Будды.

«Война и искусство несовместимы», — утверждали организаторы. «Будущее у Чечни есть. Да, остаются воинствующие люди, есть люди, которые выходят за рамки. Взрослые виноваты, что на детей сыпались бомбы. Когда вы станете руководителями и художниками, выбирайте другие мотивы», — обратился к юным дарованиям видный мужчина, представленный как «московский профессор, в котором смешались все кавказские

они не понимают этого! Ну как же, с одной стороны, это нужно, потому что история. Но, с другой стороны, наши дети о ней уже забыли, не хотят этого видеть — и слава богу».

Московский директор отменил «тонкий лиризм» акварелей Бориса Радченко — неожиданно светлые пейзажи, печальные женские очертания, больше похожие на миражи и пуливые тени: «Вот такие люди и должны работать с детьми!».

Он подводит меня к наброскам — скорбно сложенным фигурам, резко очерченные кавказские лица и

Рисунок Руслана Соптамурадова — в 1995 году ему было 6 лет

солдат, расстреливающий упавшую на колени девушку. До сих пор Радченко не может объяснить себе, с чего это вдруг 37 лет назад он, увидевший в один день на улице какую-то особенную девушку и вооруженных солдат, пришел домой и изобразил такие ассоциации. Сегодня седой учитель виновато разводит руками: предчувствие, говорит.

Когда в 1995 году стало невозможно передвигаться по разрушенному и еще обстреливаемому городу, Радченко нашел актовый зал уцелевшей школы

— для занятий. Первые ученики — замерзающие, голодные (сами они вредничали: «Мы не мерзнем, мы закаленные!»), человек сто, мальчики и девочки, от 6 до 14, сев за мольберты, первым делом спросили: «А можно рисовать войну?».

«Мы не были чеченцами, ингушами, русскими, мы были грозненцами. Сейчас это не «грозный», а мертвый город. Не потому, что его нельзя восстановить, а потому, что основу культуры составляют люди. Люди, которых нет. В отстроенном Грозном мне не жить», — перед

микрофоном говорил Павел Радченко, который мечтает просто взглянуть на место, где был его дом. Они с отцом отчаянно вглядывались в документальный фильм о Чечне, который крутили в зале под чаепитие с детьми. «Внимательно смотри, Паша, вдруг наш дом покажут».

Самым счастливым днем в своей жизни Радченко-старший считает 9 Мая 1945 года — он встретил Победу пятнадцатилетним. Про поражение (сами они вредничали: «Мы не мерзнем, мы закаленные!»), человек сто, мальчики и девочки, от 6 до 14, сев за мольберты, первым делом спросили: «А можно рисовать войну?».

Так, молча, без названий, — чувствуется, что проездом, — гостят в московских стенах руины мертвого города. И пейзажи эти посветлее будут, чем у заслуженного акварелиста Андрияки.